

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УТЕРЯННЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

А.А. Синдеев (Москва)

Постановка проблемы и ожидаемая критика на нее. Любой документ – продукт определенной интеллектуальной среды и эпохи. Работа с ним в политологии может выстраиваться на основе изложения «главного» и последующего анализа этого «главного», т.е. традиционно, а может осуществляться с помощью более разнообразной методологии, например, генетической феноменологии, или через выделение феноменов, процессов, свойственных им элементов и их понимание создателем (создателями), иными словами – через раскрытие природы текста.

Автор избрал второй путь, что, вне сомнения, приведет к ряду критических замечаний коллег, краткий перечень которых, наверняка, будет заключаться в следующем: недостаточное количество материала для выводов, произвольность соединения двух «Белых книг» и необоснованность выводов.

При этом очевидно, что сложность феноменов и процессов, внешние противоречия не могут и не должны обосновывать отказ от их изучения.

Важное значение имеет и ряд предположений: трансформации в интеллектуальных культурах способны изменять сложившееся понимание политики безопасности [см. в этом контексте: 4; 7]; каждая интеллектуальная культура характеризуется особым типом мышления, не учитывая который означает совершать (трудно исправимые) ошибки; знания об эволюции интеллектуальной культуры и ее результатах могут оказать помощь в практической политике; событийный анализ «главного» не способен выявить одновременность взаимодействий и воздействий траекторий развития и вариантов сохранения факторов, вызовов, событийности, процессов и феноменов.

Поднятая *проблема*, таким образом, заключается в феноменологическом рассмотрении одного из существовавших, но ныне утраченных подходов к политике безопасности, для которого были характерны системность, содержательная сложность и противоречивость. В последствии произошло существенное упрощение изученного подхода.

Автор вынужден заметить, что анализ упрощенцев не является предметом статьи, а словосочетание «разработчики системы» и другие указания на «создателей» системы условны.

Политика безопасности как сложная многослойная противоречивая система. Декларируемая цель политики безопасности ФРГ заключалась в «сохранени[и] свободно[го] мир[а]» [11, с. 3], или «мира в свободе». Отсылки к свободе всегда активизируют ценностный уровень и обязывают «выступить за уважение прав человека <...> за защиту свободлюбивого по-

рядка <...>, а <...> через готовность к обороне – за независимость и равноправие» [12, с. 4].

Безопасность, полагают разработчики системы, необходимо поддерживать и «укреплять» в условиях, когда на нее непрерывно воздействуют «новые политические и экономические противоречивые интересы», а «[и]з региональных конфликтов [вполне] могут развиваться крупные конфликты» [11, с. 3].

Предполагалось, что политика безопасности будет осуществляться на основе «политик[и] политического, стратегического [и] военного баланса», «политик[и] разрядки, сдерживания конфликтов и выравнивания интересов», учитывать «способность[ь] к эффективному антикризисному менеджменту (*Krisenbeherrschung*)» и руководствоваться «предсказуемостью политического поведения всех» [11, с. 4].

В столь сложной конструкции разрядки (исторический процесс того времени) становилась «неделимой» и соединялась с политикой мира, а к «элементам будущего международного порядка» причислялись «[р]авенство шансов <...>, урегулирование конфликтов через постоянный диалог, укрепление региональных и глобальных организаций и объединений (*Zusammenschlüsse*)» [11, с. 9]. Одновременно «существенными элементами стратегии баланса» назывались «паритет и отказ от насилия» [11, с. 7]¹.

После признания сложной структуры и взаимозависимостей, как правило, начинается упрощение, к примеру, через формулу «Атлантический альянс и Европейское сообщество – фундаменты безопасности» [11, с. 4]², дополняемое указанием на то, что «[д]емократические государства Европы и Северной Америки, объединенные в НАТО, гарантируют мир, свободу и благосостояние» [11, с. 4]³.

В период холодной войны не скрывалось, что «[п]ревосходящая экономическая сила и способность к технологическим обновлениям предоставляют государствам Альянса возможность идти в ногу с экспансией вооружений в странах Варшавского договора» [11, с. 7].

Открыто признавалось и другое: Западной Европе предстояло повышать дееспособность, «укрепля[ть] <...> вклад в общую оборону», «прида[вать] вес собственному влиянию на политику [США] [12, с. 8]⁴ в партнерском сотрудничестве» [12, с. 8].

Допускалась «стабилизация» безопасности, «гарантир[ующая] стабильный рост в индустриальных странах и помо[гающая] развивающимся странам ускорить их рост» [11, с. 8–9], особенно если «конфликт между Востоком и Западом» будет находиться «под контролем» [12, с. 5].

¹ Иначе это звучит следующим образом: «действовать по внешней политике и политике безопасности в осознании глобальных связей» [11, с. 9].

² Вариант из «Белой книги» 1985 г.: «Североатлантический альянс объединяет способность к обороне и готовность к диалогу и практическому сотрудничеству» [12, с. 5–6]. Тем самым НАТО предлагается понимать не только как военный союз, но и как площадку для диалога малых и средних государств с единственной сверхдержавой, в котором для других великих держав место, естественно, не предусмотрено.

³ Вариант из «Белой книги» 1985 г.: «баланс в военном соотношении сил <...> означает не равенство военных потенциалов, а баланс возможностей военных действий и реакции» [12, с. 6]. Баланс – это «шанс на успех» [12, с. 9].

⁴ В оригинале – «на политику ведущей державы (*Führungsmacht*) атлантического альянса».

Тем более ядерное оружие (в контексте его применения) ограничило самостоятельность великих держав¹, которые якобы «больше не определяют самостоятельно ход истории» [11, с. 9].

Анализ системы и непродуктивность критики. Даже поверхностный анализ позволяет выявить множество противоречий и заставляет усомниться в наличии сформированной системы, поскольку тот же «мир в свободе» строится на постоянной конкуренции, по крайней мере, до тех пор, пока свобода и свойственные ей ценности не станут глобально доминировать и не создадут благоприятные для «стабилизации» безопасности условия.

Учитывая то, что интерпретация отношений в ценностно близких друг другу странах через оказание влияния (Западной Европы в «партнерском сотрудничестве» на США) отнюдь не уменьшает конфликтный потенциал, союзнические и партнерские конфликты длительное время должны будут оставаться неизбежными и в «мире свободы».

В анализируемом варианте установки на ценности и стабилизацию скорее всего будут подпитывать конкуренцию, закреплять и без того очевидную приоритетность собственных проблем, отодвигать на второй план систематичную работу над разрешением мировых и региональных проблем и препятствовать появлению вождя «мира в свободе», что в итоге вызовет неудовлетворенность и стимулирует поиск виновных.

Многослойность политики безопасности усложняет общую картину. Речь идет не только о нелогичном соединении под одной «крышей» политики составного баланса, политики разрядки и выравнивания интересов, самостоятельных компетенций и принципов, но и о неясности каждого из элементов в отдельности.

Допустим, что политика баланса, т.е. совокупность конкретных мер, направленных на его создание, должна восприниматься как часть политики безопасности. Почему тогда отсутствует представление об оптимальных результатах политических, стратегических и военных балансов? Неясно, какую роль в стратегии баланса играют «паритет» и «отказ от насилия».

Без четкой системы взглядов на некоторое время пришлось бы смириться с малопродуктивными дискуссиями о получении (постоянных и промежуточных) балансов и паритетов, о компромиссных мерах мониторинга и верификации, так как контроль процесса без четкого видения оптимального (конечного) результата не имеет особой значимости.

Политика разрядки и выравнивания интересов вряд ли нужна как единое целое: разрядку (снижение напряженности, меры доверия и контроля) и процессуальное выравнивание (вытеснение конкурента или потенциального противника с прежних позиций) никогда не удастся гармонично согласовать.

Парадоксально и другое: в «будущем международном порядке» политика мира (идеальная модель) должна, по всей видимости, доминировать над политикой безопасности, хотя суть последней, как было видно выше, довольно размыта.

¹ В оригинале – «в мире взаимозависимостей» [11, с. 9].

Когда авторы системы переходят к НАТО и Европейскому сообществу, все становится простым и, к сожалению, привычным.

Однако, принимая во внимание сложную многослойность (балансы, соединение политики безопасности, политики мира, ценностей), не стоит критиковать разработчиков за упрощенчество, поскольку в конце 1970 – первой половине 1980-х гг. они хотя бы попытались описать системность безопасности, были согласны работать с «составной безопасностью» и предъявлять противоречивые установки, допускали развитие системы и возможное устранение в перспективе ее противоречий (антикризисный менеджмент, правила для всех).

В оптимальных условиях последнее как раз и могло поспособствовать рождению «мир[а], основан[ного] на отказе от насилия и признании легитимных потребностей в безопасности всех стран и их равноправия» [12, с. 4].

Проблема, на наш взгляд, заключается в другом: в определенный временной период поверхностность (ценностно-ориентированный подход), упрощенчество (доминирование ценностей одного цивилизационного круга) и аксиоматичность (категорическое неприятие альтернатив и иных точек зрения) окончательно вытеснили желание создавать многослойную систему, поскольку данная работа предполагала бы значительные временные затраты и заставила бы признать противоречивость в качестве естественной и постоянной черты.

Традиция философско-мировоззренческой системности к политике безопасности и когнитивного многообразия в западной интеллектуальной культуре были утеряны. Закономерный результат: современные политические элиты вообще не понимают, о чем идет речь [см. в этом контексте: 6; 8; 9].

Если подход развивался бы в настоящее время. Сослагательное наклонение является необычной исследовательской перспективой и практически не используется в общественных науках, поскольку частица «бы» часто придает изложению налет сожаления и недостижимого идеала.

В данном случае ее применение целесообразно, так как позитивистско-рационалистические установки с их неизменной истиной в формирующихся (невыработанных) социальных феноменах и системах практически не действуют.

Итак, если подход развивался бы в настоящее время, то допускалось бы признание противоречий и относительности истины, что, конечно, не подорвало бы убежденность в верность собственных установок, но, по крайней мере, позволило бы чаще артикулировать и продуктивнее обсуждать разнообразные идеи и предложения. Перспективы иной дискуссионной культуры в политике стали бы более очевидными, а гибридные методы – менее популярными.

Если подход развивался бы в настоящее время, то тактическое и стратегические составляющие политики безопасности не разошлись бы столь масштабно. Ведь то, что сейчас считается стратегией (минимальное промежуточное закрепление) не имеет ничего общего с классическим пониманием стратегии как движения к цели по максимально эффективному направлению. Тактические треки, по сути, стали стратегическими.

Если подход развивался бы в настоящее время, то дискурс политики безопасности стал бы принципиально другим: лучше функционировал бы политологический уровень; усиленно происходил бы обмен идеями; наблюдалась бы ориентация на перспективу. Политика безопасности стала бы действительно интересом и делом обществ.

Если подход развивался бы в настоящее время, то ценности перестали бы восприниматься столь однозначно. Парадокс в том, что политики в западной цивилизации, ориентируясь на исключительность собственных ценностей, подзабыли о природе главной ценности – фундаментального принципа частной собственности, без чего тот же Запад не мыслим: «узаконить права тех, кто владеет, и установить право *каждого* (выделено нами. – А.С.) чем-либо владеть» [1, с. 503]. Следовательно, в исторической логике Запада нужно было бы акцентировать внимание не на ценностях, а на их развитии¹, в том числе в контексте международного права. Сложность вызовов получится устранить отнюдь не через защиту ценностей, а через стремление к прогрессу, взаимопониманию и согласию.

Если подход развивался бы в настоящее время, то дискуссии в кругу великих держав не подвергались бы такому остракизму.

Если подход развивался бы в настоящее время, то меньшей была бы популярность разного рода псевдо-, эрзац-процессов и феноменов. Стоит помнить, что «псевдо» и «эрзац» угрожают прежде всего Западу. Силы и влияние США могут существенно истощиться поддержанием устраивающих малые и средние страны устаревших архитектур безопасности. Нежелание Вашингтона, прикрываемое отсылками к якобы воскрешаемым Россией внешнеполитическим установкам XIX в., участвовать вместе с другими великими державами в формировании нового миропорядка, может, когда непоправимые последствия такого бойкота станут очевидными, привести к дополнительному обострению и кризисам.

Если подход развивался бы в настоящее время, то изменилась бы интеллектуальная среда, значительно меньше было бы дипломатических тупиков, происходила бы стабилизация отношений, допускались бы альтернативы и не упускалась бы из поля зрения перспектива [см. в этом контексте: 3; 5; 10].

Вместо выводов: что можно (с)делать в современной ситуации.

Во-первых, признать неизбежность того, что сложный составной подход к политике безопасности Западом утерян и в ближайшее время вряд ли будет восстановлен [Ср: 2; 4; 10]. Причины нетолерантности западных коллег связаны не только с «китайским» и «российским» вызовами, но и с национальными проблемами и длительной эволюцией собственной интеллектуальной культуры в направлении ее упрощения и аксиоматичности.

Во-вторых, понять, что будущие успехи политики безопасности станут возможными только при наличии и акцептировании плюралистичной идейной среды, соответствующего ей типа мышления.

В-третьих, продумать политику формирования идейного плюрализма и многообразия касательно сценариев развития международных отно-

¹ По-иному: на создание условий для *каждого*. Это сместило бы ракурс с исключительности ценностей на условия их развития в мире.

шений на новом этапе глобализации и привлечь к ее реализации представителей разных регионов мира. Это даст возможность с определенной периодичностью предъявлять полученные демократическим путем общественные результаты, с которыми придется считаться.

В-четвертых, максимально институционализировать сотрудничество экспертов из государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Таким образом, главная задача – попытаться не удаляться друг от друга, а в любой ситуации создавать пространства и поводы для *продуктивного* общения.

Источники и литература:

1. Анри, М. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции / М. Анри. – М. : Территория будущего, 2008. – 536 с.

2. Арбатова, Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) / Н.К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 6. – С. 51–65.

3. Белов, В.Б. Германо-российское сотрудничество – вызовы 2020 года и перспективы 2021 года. Часть 1: политические аспекты / В.Б. Белов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 1. – С. 70–80.

4. Громыко, Ал. А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» / Ал. А. Громыко // Обозреватель-Observer. – 2020. – № 7. – С. 24–38.

5. Громыко, Ал. А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом / Ал. А. Громыко // Современная Европа. – 2020. – № 4. – С. 10–25.

6. Данилов, Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога / Д.А. Данилов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 2. – С. 7–15.

7. Дынкин, А.А. Шок пандемии и посткризисный мир / А.А. Дынкин, Е.А. Телегина // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 8. – С. 5–16.

8. Иванов, О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия / О.П. Иванов // Современная Европа. – 2020. – № 3. – С. 117–127.

9. Шумилин, А.И. Европейская политика соседства: время потрясений / А.И. Шумилин // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 4. – С. 86–93.

10. Щербак, И.Н. Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье / И.Н. Щербак // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 2. – С. 34–40.

11. Weißbuch 1979: Zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. – Bonn; Kassel, 1979. – 287 S.

12. Weißbuch 1985: Zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. – Bonn; Kassel, 1985. – 417 S.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Ю.Г. Тамбиянц (Краснодар)

Мировая геополитическая структура в настоящий момент переживает переход от однополярного мира к многополярному, которому ученые-международники приписывают наименее устойчивые характеристики [1]. В связи с этим закономерно, что международное пространство описывается в категориях неопределенности и турбулентности (Д. Розенау). Естественно, что подобная переходность вносит определенные коррективы в построения различных подходов – мир-системного анализа (неомарксизма), либерального, политического реализма и т.д. Нам бы хотелось отметить целесо-